

Середина Осени - запуск фонариков

Шэ Бао

Праздник подходил к концу. И это, пожалуй, было к лучшему: Шэ всегда больше любил именно эту его часть. Тихий ритуал, очень теплый, личный, в чем-то даже интимный. Ирбис уже мало верил в загадывание желаний, это был скорее повод оглянуться назад, на прошедший год и отпустить все то, что с ним было связано и что стоило оставить позади, по-настоящему перевернуть страницу.

Фонарики были готовы загодя и большая часть заранее принесена к обрыву и разложена на земле, так что все желающие могли не утруждаться тащить еще. Впрочем, свой фонарик Шэ сделал накануне сам отдельно от остальных и нес его теперь бережно к обрыву.

Добравшись и увидев сколько собралось народу, он улыбнулся и выйдя вперед, мягко поставил свою ношу на землю и повернувшись к собравшимся заговорил.

- Добрый вечер всем. Мы отлично поработали, прекрасно повеселились и наелись вволю. Настало время воздать последние почести прекрасной Чан Э и запустить в небо эти фонарики. Пусть они сделают чуть светлее и ярче путь каждого из нас, осветят и согреют наши сердца и души и пусть загаданные сегодня желания сбудутся.

На этих словах Ирбис достал из кармана небольшую свечку и огниво, зажег огонек и поставив его на положенное ему место, отпустил фонарик в небо. Желаний он не загадывал, а просто стоял, молча глядя в небо, в которое поднимались все новые и новые огоньки, и тихонько про себя читал мантру всемилостивой Тары и молитву прекрасной Чан Э. И на сердце действительно становилось теплее и светлее.

Когда все наконец было закончено, настоятель тепло попрощался с обитателями монастыря и направился в сторону ручья и чайного домика. Пора было выпить чаю и подумать.

Чин Ху

В вечернем небе светила огромная яркая Луна - главная спутница праздника Середины Осени. Чин стоял вблизи учителя, когда тот произнес свою речь, и следом за ним взял один из фонариков, чтобы запустить его в небо.

Жизнь Чина в Линь Ян Шо давно была спокойно и размеренной. Его не тянуло на приключения, приключения не тянулись за ним. Сыновья росли, и их с Дани семья была крепкой и счастливой именно в том понимании, которое Чин вкладывал в это слово. Поэтому, отправляя фонарик к богине Луны, Чин мог не так уж о многом просить. И он загадал, чтобы его сыновья, которые сейчас только искали свои дороги в жизни, были счастливы и обрели себя.

Дин был похож на него, но в нем пока не проснулась разрушительная тяга к приключениям и героизму. Мин был спокойнее, больше похож характером на мать,

но и в тихом омуте мог водиться кто угодно. Чин считал, что они правильно воспитывали детей, стараясь, чтобы те умели отвечать за свои слова и нести ответственность за себя и близких. Но некоторые шишки можно набить только самостоятельно. Чин лишь надеялся, что Дин и Мин обойдутся меньшей кровью, чем он в свое время.

Шэн Бо

Шэн смотрела в небо, на котором горел огромный лунный диск. По легенде, там находился сад с коричневыми деревьями, и сейчас оттуда богиня Чан Э светила своему возлюбленному фонарем. Это был теплый осенний вечер, несмотря на ветер, дувший с обрыва. Шэн взяла один из фонарей и зажгла свечу. Теплый огонь затрепетал в клетке из рисовой бумаги, готовясь отправить Луне и небесам то послание, что подскажет ему тигрица. Когда-то Шэн отрекалась от любых желаний, заменив их приказами и требованиями клана. Она жила так, как было должно, и в этом находила свое спокойствие. После того, как в её жизни появился Кэйлаш уже не в качестве вечного соперника, но в роли мужа, она научилась слышать собственные желания. Её пламя получило новый источник сил. Сейчас, когда Шэн, как ей казалось, обрела некое равновесие между "должна" и "хочу" она не была уверена, что ей есть что просить у Чан Э. В её жизни было почти все, к сему она могла стремиться.

Отпуская фонарик в небо, Шэн пожелала, чтобы те, кто придут сюда следом, смогли усвоить свои уроки. В Линь Ян Шо никто не приходил случайно, нужно было лишь прислушаться и понять, чему именно это место хотело научить тебя лично. И обычно это не касалось ни магии, ни боевых искусств.

Ши Ньяо

Край обрыва был любимом местом Ньяо в монастыре. Здесь всегда была сильна его родная стихия Воздуха, потому что здесь чувствовали свободу вольные горные ветра. Лунный свет серебрил землю и отражался в вершинах гор, которые были видны вдалеке этим ясным вечером. Ньяо, обычно любивший уединение, сейчас комфортно чувствовал себя среди тех, для кого Линь Ян Шо стал домом. Ведь и он, носивший прозвище Перелетной Птицы, все равно надолго задержался здесь и уже не планировал покидать монастырь.

Ньяо взял один из фонарей, поджег огнем свечу и подошел ближе к краю обрыва. У него было одно желание, то, что естественно для каждого глубоко верующего буддиста: чтобы в этом мире исчезло страдание, чтобы люди нашли свой путь, который позволит им открыть разум и обрести счастье.

Огонек его фонаря приблизился к тем, что уже мерцали в темном вечернем небе, стремясь к огромному яркому диску Луны. Ньяо улыбался своим мыслям, провожая фонарики взглядом. Он считал, что праздник Середины Осени в этом году удался на славу, и обитателям Линь Ян Шо будет что вспомнить.

Эрик Адлер

Эрик был католиком, китайские традиции были от него далеки, но он искренне старался их понять, особенно во время таких больших праздников как Середина

Осени. Сейчас, когда наступил вечер, все собрались у обрыва, чтобы запустить в небо фонарики. Эрик лишь мельком знал легенду о лучнике, что пронзил лишние солнца, и возлюбленная которого из-за своей глупости оказалась на Луне, но ему нравилась сама традиция запускать в небо фонарики и загадывать желания. Это было очень мило и как-то по-семейному.

Адлер считал, что даже не будучи буддистом, может и должен запустить в небо фонарик вместе с остальными. Он загадал, чтобы очень была успешной, потому что после праздников планировал ехать в Америку и заключать новые контракты с поставщиками. От них зависел следующий год, потому что пришлось отказаться от продления пары сделок из-за ухудшившегося качества продукции, которую предлагали некоторые давние партнеры. Возможно, это было не то желание, какие принято загадывать здесь, но для Эрика лично это было важно.

Фонарик из рисовой бумаги взмыл в небо и, подхваченный воздушным потоком, устремился ввысь. Адлер стоял, провожая его взглядом, и любовался тем, как огоньков в ночном небе становилось все больше.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Пока настоятель произносил торжественные слова, Сонгцэн смотрел на огромный диск Луны. Луна - покровительница магов Воды, она наделяла энергией этой стихии, которую он тщетно силился понять. Сонгцэн поставил перед собой очень сложную задачу - добиться мастерства в управлении двумя противоположными стихиями. Сейчас он искал пути к пониманию Воды, потому что Огонь чувствовал намного лучше.

Луна казалась холодной и далекой. Она светила тусклым отраженным светом даже сейчас, когда реально казалось, что она подсвечена фонарем богини Чан Э. Но Сонгцэн считал магию Воды сложной крепостью, для которой нужно было разработать план захвата. Он знал, что справится, но искал идеи, подсказки и верные ощущения, которые помогли бы ему оказаться ближе к цели.

Сонгцэн взял фонарь, закрепил в нем свечку и с легкостью зажег её, коснувшись пальцем. Ему не составило труда направить для этого энергию Манипуры, разгоравшуюся от его дыхания. Но пока он не представлял, чтобы столь же легко контролировать Воду с помощью желтой энергии Сватхистханы.

Желание, которое загадал Сонгцэн, было самым важным на тот момент для него: достичь мастерства в магии Огня и Воды.

- *С Огнем я справлюсь сам, с Водой, Чан Э, мне понадобится твоя помощь,* - подумал он, обращаясь к богине Луны.

С обрыва дул холодный ветер, а огоньки праздничных фонарей стремились вверх к самой Луне. В такие дни действительно верится, что можно вот так просто загадать желание, чтобы оно сбылось. Но Сонгцэн знал, что в его случае ничто не могло решиться по мановению волшебной палочки. От него требовалось много сил, времени и упрямства, чтобы добиться цели, и он знал, что они у него были. Сегодня он был сильнее, чем несколько дней назад, а завтра будет сильнее, чем сегодня.

Его примут всерьез и Кобры, и Тигры. Он был принцем по праву рождения, а станет им еще и добившись уважения воинов.

Сонгцэн не был слишком гордым, он был ответственным и считал, что цель, которая позволит ему доказать свою силу - это то небольшое, что он мог сделать, чтобы упрочить позиции своей семьи на троне Королевских Кобр. Он не стремился изучить противоположные стихии для себя, он понимал, что для него это будет очень тяжелым испытанием, и в его голове будет идти настоящая война похлеще той, что вели кланы его родителей. Но он был готов добиться этой цели, чтобы его, льва, без вопросов признали принцем кобр, достойным наследником деда и отца.

Айро

Листья лозы на ветру кружат.

Осень пришла в наш тихий сад.

Айро напевал эту песню все реже. Старые раны хоть иногда и бередили душу, но с каждым годом в Линь Ян Шо, казалось, уходили в прошлое. Все же этот монастырь - удивительно место. То ли само по себе такое, то ли его таким делают люди - старый вояка так и не мог решить эту загадку, да и не очень-то, признаться старался, просто наслаждаясь своей чайной, и той размеренной жизнью, которую настоятель и мастера старались поддерживать здесь с переменным успехом.

Праздник середины осени подходил к концу. В небе ярко сияла полная луна, едва ли не согревая напоследок. Согревая души и сердца более чем тело. Настоятель закончил речь и первым вслед за ним вышел его ученик. Айро усмехнулся слегка, вспомнив, какой путь прошел этот ученик с тех пор, как встретил старика у ворот монастыря. Воистину Линь Ян Шо чудеса творит. А может дело в возрасте. Чайный мастер подошел к лежащему на земле фонарику, слегка отряхнул его и щелчком пальцев зажег свечу.

Что попросить у светлоликой Чан Э? Да то же, что и всегда. Чтобы как можно меньше страдания было в мире под ее серебристым светом. Чтобы как можно меньше отцов хоронили сыновей, чтобы слезы лились только от радости и чтобы хорошие люди всегда были вместе. Еще один огонек присоединился к сонму, улетающему в ночное небо.

Мэй Фэн

- Светлоликая Чан Э, улыбайся нам всем, дари нам свой свет, свою мудрость, свое благословение, - эту короткую молитву Мэй запомнила еще в раннем детстве и с тех пор всякий год повторяла ее, запуская в небо фонарики. Это было, пожалуй, даже лучше приготовлений, лучше угощений, подарков, всеобщего веселья и праздничной суеты. Вот так вот постоять, сбросить с себя всю груду забот и переживаний, и открыться новому дню и новому опыту, да и просто подумать о чем-нибудь тихом, спокойном и приятном и вдохнуть полной грудью.

А вот желать уже который год Мэй было совершенно нечего. Она была решительно довольна тем, как сложилась ее жизнь и жизнь окружавших ее людей. И большего

ей, вот честно, было даже как-то и не надо, несмотря на обилие счастливых супружеских пар в монастыре (*да-да, она сама уже давно перестала задумываться о том, как так вышло*). Поэтому она пожелала, чтобы и в окружающем мире тоже все шло как можно спокойнее, счастливее и было поменьше боли, страданий и разочарований. И невольно улыбнулась, наблюдая как еще один фонарик улетел в небо.

Дин Ху

Дин смотрел, как уже запущенные фонарики поднимались в небо, стремясь к полной Луне. Он любил праздник Середины Осени: лунные пряники, выступления мастеров, нарядную центральную площадь. Спада л летний зной, иногда на иссушенную тибетскую почву проливался дождь, и природа здесь осенью не умирала и не засыпала, наоборот, начинала оживать. И Дину казалось, что во время празднования Середины Осени начинается новый этап года даже более явно, чем в Новый Год, означавший наступление весны.

Сегодня можно было загадать желание. Их у Дина, как у любого мага Огня, было хоть отбавляй, а искать нужно было какое-то одно. Он зажег фонарик, коснувшись пальцами фитиля свечи, и задумался. Он хотел стать младшим мастером, но знал, что и так им станет, это зависело лишь от него, а не от воли судьбы. Он хотел, чтобы его семья была счастлива, а в Линь Ян Шо все было благополучно. Но он был уверен, что это желание уже несли те фонарики, что летели к Чан Э. А другие, заветные желания было как-то неловко говорить даже себе.

И все же Дин решился. Он попросил Чан Э передать привет лунному старцу Юэлау, чтобы тот дал ему возможность встретить любовь. Потому что именно этого не хватало Дину для того, чтобы чувствовать себя в полной мере счастливым и несчастным. Без этого его жизнь казалась застрявшей в одной колее, когда не происходило почти ничего, что заставляло бы сердце биться чаще. Как в книгах, как в стихах, как в песнях, которые воспевали это светлое чувство.

Дин не знал, какой была девушка его мечты. Но он был уверен, что, увидев её взгляд, сразу её узнает.

Мао Чун

Обычно Кот отмечал Середину Осени с Тигром, но в этот раз он оказался в Линь Ян Шо, и поэтому смотрел за местным праздником. Он пошел со всеми к обрыву, потому что зрелище фонариков, летящих в небо, всегда завораживало и даже фу шан шу триады Пекина наводило на мысли о том, что на свете могут случаться чудеса.

Гунмао взял фонарик и подумал о том, что правильнее будет поджечь его с помощью магии. Он сосредоточился на желтом цвете и солнечном сплетении, стал дышать глубже, а затем направил ци по руке к кончикам пальцев, и фитиль загорелся ровным желтым огоньком. Кот подумал о том, что его главное желание - безопасность его семьи. Кошки, пацанов, дочек. Чтобы никто и ничто им не угрожало, чтобы он возвращался домой, зная, что любимая жена выйдет его встречать, и что его дети будут счастливы.

У него оставалось недопонимание с Янлин, хоть он и был вынужден признать, что в отношениях с Юншэном её можно было только понять и простить. И Гунмао с ужасом думал, что дочерей у него двое, и еще неизвестно, в кого решит влюбиться Айлин. Ведь могло быть и так, что на фоне её избранника Лю-младший покажется идеальным зятем.

- Но все же, Чан Э, пусть просто они будут в безопасности и счастливы. А остальное решим.

Цирилл Грей

Цирилл любила подобные праздники, хотя считала, что она сама находится уже не в том возрасте, чтобы показывать какие-то выступления, а вот запустить фонарики в небо - это было вполне по ней. Тем более, что она пришла сюда вместе с супругом, разве что она слегка отошла от Кота, давая ему пространство и возможность остаться наедине со своими мыслями и желаниями, потому как и сама хотела ощутить себя один на один с Луной, бледнолицой Чан Э.

Она зажгла фитиль фонарика и на некоторое время задержала его в руках, думая о своем. У нее было много мыслей, чего она бы хотела пожелать, но итоге она перебрала их все, и остановилась на одном единственном желании - она хотела, чтобы у близких ей людей все было благополучно. Сыновья давно выросли, из ее любимых несносных мальчишек они превратились в самостоятельных мужчин, каждый из которых шел своим путем. Их дорога была опасной, но они сделали свой выбор, и она не могла их за это винить. Она лишь только просила Чан Э защитить их на этом сложном пути, полном преград и лишений.

Она думала и том, что ее дочери тоже подрастают, Айлин и Янлин выросли настоящими красавицами, капризными принцессами, пока еще не определивших, куда им стоит повернуть на перепутье открывающихся им дорог, и она попросила Чан Э помочь им в этом нелегком выборе.

И, наконец, она подумала о муже, что стоял неподалеку. Что они прошли вместе долгий путь, начавшийся много лет назад, они вырастили вместе четверых детей, и Цирилл в третий раз попросила Чан Э дать им возможность дойти этот путь до конца вместе, рука об руку. Она улыбнулась своим мыслям и выпустила фонарик в воздух, наблюдая за тем, как он плавно поднимается ввысь.

Юншэн Лю

Юншэн был рад, что на празднике Янлин оказалась в монастыре. И вечером они вместе пошли на край обрыва, где все запускали фонарики с пожеланиями. Можно было не волноваться, отпустят девушку или нет, потому что там же были её родители. Но из-за этого приходилось соблюдать дистанцию и вести себя скромно. Юншэн взял зажигалку и поджег фитиль свечи. Фонарик в его руках засветился ровным рыжеватым светом, освещавшим лицо и руки. Юншэн посмотрел на Янлин и улыбнулся. Он был уверен, что она угадает его желание.

А желал он того, чтобы они могли быть вместе. Чтобы через несколько лет они

могли вместе жить, чтобы уже в ближайшее время смогли видаться чаще. Чтобы их любовь не угасала, и чтобы Янлин была счастлива с ним. Юншэн подошел ближе к краю обрыва и отпустил фонарик, который стал медленно подниматься к полной Луне, пока порыв ветра не подхватил его, подняв ближе к облаку таких же фонариков, уже запущенных другими жителями и гостями монастыря. Юншэн не стал провожать этот фонарик взглядом, он снова смотрел на Янлин, любясь чертами её лица в серебристом свете полной Луны. Сейчас её кожа казалась совсем белой, а глаза темными-темными. Она была похожа на дух самой Луны, и как и Луна была видна, но к ней снова нельзя было прикоснуться.

Юэ Шэ

Юэ долго думала о том, какое желание загадать. Было бы правильно просить о мире в клане, о благополучии близких, о том, ради чего воину клана приходится воевать, и как сделать так, чтобы воевать не пришлось. Но после этих раздумий Юэ решилась. Сегодня она хотела попросить у Чан Э что-нибудь лично для себя. Она и так воевала достаточно, и будет воевать не меньше. Служила клану, работала в монастыре, она не хотела полностью отречься от самой себя. Теперь она училась слушать и голос собственных желаний, который говорил, что она имела право на то, чтобы иногда быть счастливой.

Тигрица подожгла свечу в фонарике и подождала, пока пламя станет ровным и уверенным. А после этого подошла ближе к краю обрыва, где гулял ветер. Когда-то она послушала себя, а не традиции, и стала изучать магию Воздуха, которая позволила ей выжить и вывести на чистую воду того, кто предал её мать. Себя слушать полезно.

Юэ загадала, чтобы сифу и клан приняли их отношения с Николаем. Чтобы ей не пришлось скрываться, врать и допускать те ошибки, что совершали сифу и мама. Она была уверена в своих чувствах, и хотела, чтобы ей дали на них право. Чан Э, разлученная с возлюбленным, должна была понять важность этой просьбы. Юэ верила, что та ей поможет.

Янлин Чун

Янлин была рада, что на праздник Осени ей разрешили поехать в монастырь, где она почти все время проводила с Юншэном, за исключением тех часов, что он был занят на тренировках. Она не посещала никакие мастер-классы, хотя думала сходить на магию огня, но потом передумала, зато не могла пропустить прийти на площадь посмотреть на выступления и потом запустить фонарики с обрыва. Она взяла фонарик и Юншэн зажег его зажигалкой, потом они пошли вместе к обрыву.

Она улыбнулась в ответ Юншэну и загадала свое, особенно желание, в котором они с Юншэном были вместе. Это была чудесная идеальная картина будущего, которое, как надеялась Янлин, когда-нибудь станет реальностью. Она наконец помирится с папой, он признает, что она имеет право встречаться с тем, с кем ей хочется, примет Юншэна и перестанет относиться к нему холодно. Юншэн приедет к ней в Пекин, может, они будут учиться в одном университете, и будут жить вместе. Что все будет так, как ей хочется, а не так, как они вынуждены делать, чтобы угодить куче людей вокруг.

Она отпустила фонарик, и он поднялся в небо. Янлин наблюдала за ним до тех пор, пока он не превратился в маленькую едва различимую точку, ей казалось, что чем дольше она будет провожать его взглядом, тем наверняка желание сбудется, как будто оно улетит прямо туда, на Луну, где Чан Э будет собирать все эти желания и исполнять их.

Маргарита Эрнандес

Маргарита не любила окончание праздников, потому что после веселья у нее на душе оставался неприятный осадок, напоминающий о скоротечности жизни и способности даже самых ярких моментов мгновенно пролетать, постепенно становясь прошлым. Но сегодня рыжая чувствовала какое-то умиротворение, позволяющее смотреть в будущее с надеждой, не цепляясь за то, что ушло и стало частью ее жизненного опыта.

Желаний у Риты всегда хватало, но девушка, не сильно рассчитывающая на милость судьбы, была уверена в своей способности добиться их реализации собственными силами. Правда, красивый обычай запускать в небо фонарики и загадывать желание, вместе с общей чуть ли не сказочной атмосферой, вызывал у испанки не свойственную для нее мысль попробовать присоединиться ко всем остальным и тоже отправить по ветру что-то важное и сокровенное, ожидая, что оно сможет вернуться обратно реальными изменениями в жизни.

Самым сложным оказалось выбрать достойное желание среди бесконечного перечня болтающегося в ее голове. Но, обведя взглядом присутствующих, Маргарита поняла, чего хочет больше всего на свете, а потому нежно улыбнулась и, зажигая фонарик, тихонько прошептала:

-Хочу больше никогда не терять дорогих для меня людей...

Ян Лю

Ян не был суеверным и не очень рвался отмечать праздники, особенно когда половина его семьи была в Англии, но все же решил присоединиться к тем, кто пошел запускать фонарики, хотя бы потому, что там был Юншэн. Но сын, конечно, был увлечен своей большой любовью, и можно было без ментальной магии понять, о чем просили богиню Луны эти двое.

Ночь полнолуния - особое время для магов Воды. В это время их силы становятся больше, и Яну приходилось рассчитывать на помощь небесной покровительницы, когда требовалось выполнять особые задачи. Но сейчас все было спокойно. Он зажег фонарик и подумал о самом банальном: чтобы сейчас и впредь в Англии у Шири, Лин и дяди все было благополучно, и во время их следующей встречи их светлость рассказала о том, что её новая выставка была удачной, как никогда. Чтобы Юншэн не разочаровался со своей огромной любовью, но смог повзрослеть и стать ответственным. И тогда все будет хорошо.

Фонарик полетел в небо, где горело уже немало его собратьев. Все-таки было какое-то особое ощущение в этот момент, вера в то, что чудеса бывают, а на Луне и впрямь сидела Чан Э с фонарем, которая светила своему возлюбленному, а заодно и всем людям на Земле своим волшебным фонарем.

Тору Мотидзуки

Красивая традиция зажигать фонарики и опускать их в полет, кажется Тору идеальным завершением праздника середины осени. Японец, не переносящий массовых мероприятий, долго не хочет этого признавать, но все происходящее сегодня ему по-своему нравится. Нравятся место и даже окружающие люди, с какой-то фантастической самоотдачей готовящиеся к празднику в течение нескольких дней. Так что он не видит ничего зазорного в том, чтобы принять участие и в финальной части, выбирая один из фонариков и сосредотачивая на нем задумчивый взгляд темных глаз.

Чего он хочет больше всего? Мотидзуки боится задавать себе этот вопрос, поскольку знает ответ, который привычно сжимает сердце невидимыми тисками. Но сегодня особенный день и, стараясь побороть свою бесконечную трусость, Тору отпускает зажженный фонарик, прося только одного – найти в этой жизни свое место.

Ветер Перемен

Десятки фонариков устремились в звездное небо к огромной полной Луне, которая этой ночью ярко освещала монастырь и собравшихся у края обрыва людей. Эти фонарики обязательно попадут к Чан Э, чтобы она могла исполнить заветные желания тех, кто верит в чудеса хотя бы один день в году.

Когда облако из огоньков скрылось из виду в ночном небе, обитатели монастыря стали расходиться. Праздник Середины Осени закончился, завтра будут новые дела, тренировки, дежурства, новые встречи и новые события. Но наверняка сегодняшний день зародил в сердцах тех, кто участвовал в празднике, новую веру в собственные силы и новую надежду на то, что все будет хорошо.

Празднование завершено.
